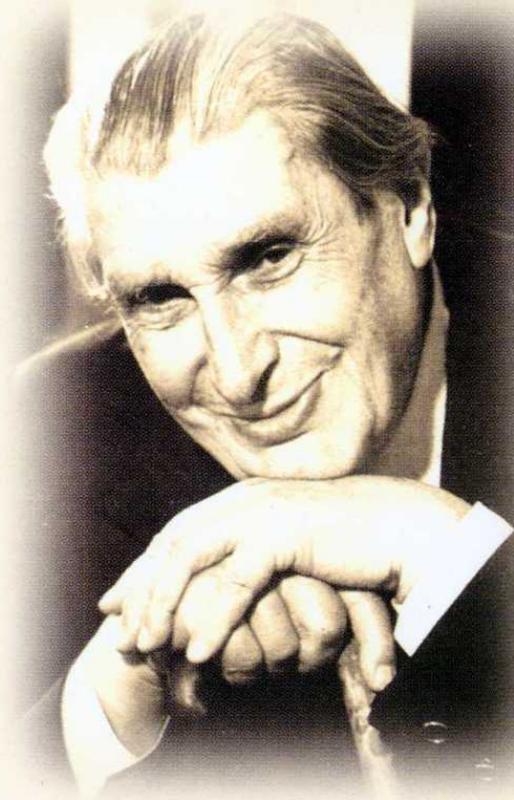

Иван Петрович
Иванов-Вано

110 лет
со дня рождения

Юрий Норштейн

**Иван Петрович Иванов-
Вано. 110 лет со дня рождения**

«ВГИК»

2009

ББК 85.37

Норштейн Ю. Б.

Иван Петрович Иванов-Вано. 110 лет со дня рождения /
Ю. Б. Норштейн — «ВГИК», 2009

ISBN 978-5-87149-116-4

Сборник воспоминаний и статей о Народном артисте СССР, режиссере, художнике, профессоре ВГИКа Иване Петровиче Иванове-Вано (1900–1987) включает в себя воспоминания дочери, редактора, режиссеров и художников, многие годы работавших с мастером. Предназначен для студентов гуманитарных факультетов университета.

ББК 85.37

ISBN 978-5-87149-116-4

© Норштейн Ю. Б., 2009

© ВГИК, 2009

Содержание

Предисловие	6
Галина Иванова	7
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Н. Абрамова, Г. Иванова, Н.
Кривуля, М. Курчевская, Ю.
Норштейн, А. Петров, С. Соколов
Иван Петрович Иванов-
Вано. 110 лет со дня рождения**

© Н. Абрамова, Г. Иванова, Н. Кривуля, М. Курчевская, Ю. Норштейн, А. Петров, С. Соколов.

© Всероссийский государственный университет кинематографии им. С.А. Герасимова (ВГИК), 2009

Предисловие

Небольшой по объему юбилейный сборник воспоминаний и статей о классике советской и российской мультипликации, основоположнике анимационного обучения во ВГИКе Иване Петровиче Иванове-Вано дает возможность взглянуть на великого мастера с разных точек зрения.

Воспоминания людей, хорошо знавших и многие годы работавших с Иваном Петровичем, помогут преодолеть стереотип восприятия его творчества и его жизненного пути, как череду успехов и наград, преодолеть впечатление легкости в достижении вершин искусства.

Такой объемный, стереоскопический взгляд на этого выдающегося человека, несомненно, приблизит к нам образ легендарного Вано, сделает его живым и доступным, каким, в сущности, и был Иван Петрович.

Трогательные воспоминания Галины Ивановны Ивановой, дочери и ближайшего друга, подробно описывающей молодые годы художника, семью и его путь в мультипликацию. Трудности и гонения, которые нередко выпадали на долю Ивана Петровича в тяжелые времена, помогут нам по-новому понять и осмыслить многие его произведения. В своей книге о мультипликации и о своих соратниках «Кадр за кадром» Иван Петрович скромно опускает удары судьбы, которые ему пришлось принять и стойко выдержать. В этом смысле воспоминания Галины Ивановны наполняют реальной жизнью официальную биографию мастера, казалось бы, состоящую из одних триумфов и развеивают миф о том, что Иван Петрович «родился не просто в рубашке, а в габардиновом пальто».

Статья Натальи Николаевны Абрамовой, многие годы проработавшей с Иваном Петровичем в качестве редактора на киностудии «Союзмультфильм», представляет собой широкий обзор его творчества и анимационных открытий, объясняет его страстную приверженность русскому народному искусству.

Воспоминания выдающегося мастера анимации Юрия Борисовича Норштейна (почетного профессора ВГИКа), показывают процесс творчества его учителя и соратника изнутри, где великое и смешное неразрывно связаны между собой.

Анатолий Алексеевич Петров, великолепный режиссер, аниматор и педагог также многие годы работал рядом с Ивановым-Вано и рассказал об этом с юмором, без которого не существует искусства анимации.

Живые зарисовки Марины Курчевской, ученицы Иванова-Вано, дочери режиссера, художника и педагога Вадима Владимировича Курчевского, с раннего детства дружившей с Иваном Петровичем, дополняют картину жизни большого мастера, жизнелюба и кулинара.

Исследования доктора искусствоведения и художника Натальи Геннадьевны Кривуля вводят творчество И. Вано в контекст мирового искусства анимации.

Мои воспоминания о времени учебы у Ивана Петровича, работы с ним на студии и о нашем совместном преподавании, я надеюсь, добавят еще одну точку зрения, с которой были видны его личные и педагогические качества.

Мы надеемся, что, читая о великом мастере, молодые художники увидят живого Ивана Петровича Иванова-Вано, человека, преодолевшего множество преград в очень непростое время и ставшего, несмотря ни на что, выдающейся творческой личностью и классиком мировой анимации.

С.М.Соколов

Галина Иванова

Отец, каким я его помню

Вспоминать ушедшего из жизни любимого человека, отца и верного друга, дорогого Вано, – так звали его в молодые годы, – Ванечку, Ваника, как звали его в семье к старости, и приятно, и мучительно. Приятно, так как вспоминается всё хорошее, связанное с жизнью с отцом, его ласка, тепло, интонации его голоса, некоторые характерные жесты... И мучительно трудно, так как из всех личных моих воспоминаний надо выбрать самое важное, существенное, что может другим людям помочь понять всю сложность, незаурядность его натуры, силу его интеллекта.

Отец был очень противоречивым человеком: добрым и строгим, мягким и нетерпимым, нежным, ранимым и грубым до безобразия, трудолюбивым, терпеливым и вечно спешащим заглянуть вперед: что «там, за поворотом»?

Но главное – он умел любить.

Любил жизнь, землю во всех ее ипостасях, ее природное разнообразие, людей и великие творения людей. Но больше всего он любил свою профессию – мультипликацию, давшую ему счастье творчества и возможность выразить свою сущность, свое видение художественного произведения, жизненного явления, свои взгляды на жизнь.

Он восторженно и трогательно любил мою маму – с первой встречи и до последнего дня.

Он любил нас всех – своих родных и близких ему по духу людей, своих товарищей; заботился, помогал, спорил, ссорился, ругал, радовался нашим удачам.

Родом из детства

Родился он в Москве, в Охотном ряду (Лоскутный переулок напротив «Националя») 9 февраля 1900 г. по новому стилю, 27 января по старому стилю. (В справочных материалах об И.П. Иванове-Вано перепутаны эти даты, даже по телевидению в передачах об отце приводились неверные числа). Этот район потом был сломан, и на его месте теперь Манежная площадь. Осталась только Георгиевская церковь во дворах позади здания Госдумы, где папа был крещен.

Отец Ивана Петровича, Петр Иванович Иванов, числился «безземельным крестьянином Калужской губернии Медынского уезда Межечинской волости», который переселился в Москву в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века, стал сапожником и работал у хозяина в Охотном ряду. Его жена Иванова Елизавета Митрофановна – того же социального положения, неграмотная. У них было 7 детей, из которых к моменту папиного рождения осталось четверо. Старший, Михаил Иванович, сначала работал «мальчиком», потом приказчиком в купеческой лавке где-то на Таганке, затем окончил технические курсы (училище) и после революции работал в технических мастерских при Казанском вокзале. Николай Петрович (?? – 1955) окончил курсы бухгалтеров, работал по специальности. Евдокия Петровна (1881–1966) училась 2 года у И.И. Машкова, в 1907 г. вышла замуж за его приятеля, художника Константина Васильевича Спасского, преподававшего рисунок в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Следующим ребенком была Елизавета Петровна (1895–1915), которую папа считал самой талантливой из всей семьи. К сожалению, она страдала туберкулезом легких (этим заболеванием переболели все дети семьи, кроме папы) и, простудившись, в 1915 г. скоропостижно умерла.

Мама Ивана Петровича ходила поденщицей по квартирам, она стирала и штопала тонкое белье и кружевные блузки, работала, в основном, на кухне, где маленький Ваня приобрел свои первые знания в кулинарном искусстве, которым он потом славился.

Молодежь семьи Ивановых, как и большинство людей того времени, тяготела к искусству. Михаил Петрович увлекался фотографией, Евдокия и Елизавета любили театр и участвовали в любительских спектаклях. В молодости у них у всех, кроме Михаила, были странные для русской семьи имена. Так, Евдокия звалась Диной, а не Дусей, и так и осталась Диной до конца своей жизни, Николай был Коко, а не Коля (с возрастом он стал Колей). Младший, Ваня, стал Ваню, и это имя со временем перешло в псевдоним.

Маленький Ваня-Ваню избежал увлечения любительскими спектаклями, но зато у него был свой рисованный театр «на печи». Его довольно сложное для восьмилетнего мальчика устройство описывается в статье Наталии Абрамовой. Зрителями этих представлений были родные и знакомые.

Папа начал рисовать рано, даже не помнил, с какого возраста. Использовал клочки, оберточную бумагу. Карандаши и краски дарили студенты, жившие по соседству, а также старший брат Михаил, который, хотя и был уже женат, жил отдельно и имел своих детей, заботился о младших братьях и сестрах.

Среда Охотного ряда оставила свой след в душе мальчика. У И.Д. Сытина читаем: «На площади до Никитских ворот вдоль Моховой до 1932 г. стояли двухэтажные дома конца XVIII в. В нижних этажах помещались почти только одни книжные магазины, а в верхних – дешевые меблированные комнаты, в которых обитали большей частью студенты Московского университета. Во дворах внутри кварталов ... мелкие амбары, сараи, домишки, в которых ютилась беднота». В таком «домишке» и жила семья Ивановых. Здесь важна близость книжных лавок; с раннего детства отец имел возможность рассматривать дешевые, ярко разрисованные хорошими художниками книги издания И.Д. Сытина «со товарищи», любоваться народным творчеством русского лубка. В стиле русского лубка в издательстве Сытина работали такие видные художники, как А.М. и В.М. Васнецовы, В.Д. Поленов, Н.Д. Бартрам, М.О. Микешин, С.В. Малютин и другие, а Н.А. Касаткин вел специальные курсы иллюстрации для народных художников лубка. Конечно, основную торговлю книг И.Д. Сытин вел через свои лавки на Никольском рынке, но он же жаловался, что из лавок книги быстро раскупались и продавались на других рынках и в книжных лавках. А издавал он сказки Пушкина, Жуковского, русские народные сказки, былины, и содержания именно этих книг становились сюжетами для театральных действий Вани-Ваню.

В моем раннем детстве я запомнила присказку отца, когда он видел миловидную румяную девочку или женщину: «Катя, Катя, Катерина, разрисована картина». А это была подпись лубка М.О. Микешина «Это наша Катерина, намалевана картина». Увлекался лубком в это время даже сам Илья Иванович Машков, в будущем – один из учителей отца по живописи. В 1914–15 гг. им была создана серия лубков на стихи В.В. Маяковского.

Мой дед со стороны папы, Петр Иванович, бросил свою семью. В воспоминаниях моего отца о нем осталось очень мало: стал довольно хорошим сапожником, шил офицерские сапоги «со скрипом». Как гордо говорил Иван Петрович, «не каждый мастер сошьет со скрипом». Дед был строг с детьми, нещадно бил младшего за опоздания на службу в церковь, за «баловство» на печке. Маму свою мой отец поминал добром за суровую заботу в детстве, жалел ее.

Мать Ивана Петровича была очень набожным человеком. По большим праздникам она с детьми ходила в Новодевичий монастырь на службу, на обратной дороге они задерживались на Девичьем поле, где по праздникам ставились балаганы, выступали кукольные и скоморохи. Отец очень красочно описывал эти путешествия и свои впечатления от этих представлений. Говорил мне Вадим Вадимович Курчевский: «Купи магнитофон, записывай за отцом, это же кладесь, потом не простишь себе». Да, надо было слушать умных людей...

Красота церковных служб также отложила свой отпечаток в душе мальчика, хотя в дальнейшей «взрослой» жизни в церковь он ходил очень редко. Мне запомнился один раз, когда во

всех церквях шел молебен по погибшим в Великой Отечественной войне, от стоял отдельно, очень сосредоточенный.

Но церковные службы он запомнил, что доказывает такой случай. Однажды, где-то в 60-х годах, мой начальник и друг нашей семьи А.С. Рыковский, очень легкомысленно настроенный, пригласил папу поехать с ним в охотхозяйство – сам на охоту, а папа – на рыбалку, а было это как раз под Пасху. Он оптимистично рассчитал время, чтобы попасть в Троице-Сергиеву лавру, отстоять там службу, а разговляться поехать дальше, в охотхозяйство. Но этот план, конечно, провалился: в Загорске им не дали даже остановиться – «Проезжай, проезжай!» – и прогнали к окраине. И тогда папа запел. Саша, сам из старой купеческой семьи, ему помог, и, по словам Саши, они, пока ехали, отслужили всю службу по памяти. Не думаю, что всю, но многое из детства им запомнилось.

Забавный случай рассказывал отец о кинофестивале во Фрунзе (1976), куда он был приглашен в состав жюри (председательствовал в жюри Чингиз Айтматов). Дни фестиваля совпали с пасхальными праздниками. Накануне отец купил два десятка яиц, краски, вечером покрасил яйца разными узорами, и в Светлое Воскресенье пораньше, пока не собралось всё жюри, выставил тарелки с крашенными яйцами на стол жюри. Сначала все мялись, стеснялись, но потом пришла актриса, сказала: «Какая прелесть» – и взяла себе сразу 2 или 3 яйца. Тогда и остальные стали брать. В 2008 (или 2007) году в одной из телепередач об актрисе Л. Чурсиной я услышала ее рассказ об этом случае. Правда, автора раскраски яиц она не назвала, да и не знала. Я так поняла из ее рассказа, что этот приятный сюрприз «организовали» организаторы фестиваля. Нет, этот праздник им устроил художник, сохранивший детство в своей душе до самой смерти – умение радоваться празднику и радовать других.

И еще одну черту поведения унаследовал Иван Петрович из своего детства – это любовь к самодельной народной игрушке. А что еще могла подарить его мать своему младшенькому: глиняную свистульку да леденец (потом свистульки, лошадок и леденцы отец дарил мне).

Со своей мамой он ходил в дешевые торговые палатки в Охотном ряду, научился торговаться и выбирать свежий товар. Красочно разложенные овощи, лесные ягоды, битая птица запечатлелись в его памяти. Будучи уже отцом семейства, он по воскресеньям, взяв меня с собой, ходил на рынок, покупая не сколько надо семье, а сколько ему приглянулось по цене товара. Куда бы Иван Петрович не ездил, в российскую глубинку или за границу, он обязательно шел на рынок. Он был на рынках Канн, Ниццы и Марселя; в Марселе вообще был несколько часов, но всё же заскочил на рыбный рынок. Он был на рынках Варны, Праги, Загреба, Брюсселя, Монреаля и Бергамо. В Париже он попросил переводчика отвезти его и Л. К. Атаманова на знаменитый рынок «Чрево Парижа», куда они приехали к 4 утра, когда шла основная торговля оптом, там они ели знаменитый луковый суп, разговаривали с мэром этого района Парижа, который без всякой волокиты тут же, за соседним столиком, вел прием посетителей. Папа считал, что рынок является показателем жизни населения, он любил разговаривать с продавцами и покупателями, устраивал маленькие спектакли, торговался, спорил. Маленькая, пока я не сообразила, что это была веселая игра, я очень стеснялась такого поведения отца и никак не могла понять, почему спорщики вполне дружелюбно расходились, а очень часто продавец или бабушка-торговка дарили отцу какую-нибудь красивую морковку или синюю луковицу, а мне – яблоко, а папка покупал в соседнем ряду леденцов и приносил их продавцам «для внуков». Как я теперь понимаю, это тоже были отзвуки его детства.

Быт семьи Ивановых был очень простой. Ели простую пищу – щи всех видов (мясные, пустые, грибные, кислые), каши, овсяный и клюквенный кисели с молоком, селедку, по большим праздникам – заливной судак, жарили свинину, кур, уток. На зиму делали заготовки: квасили капусту, солили огурцы, грибы. В нашей семье и даже в нашей старой коммунальной квартире в Лопухинском переулке Иван Петрович был главным специалистом по засолке

капусты (ее обязательно рубили сечкой в деревянном корыте), а также маринованию грибов и солению огурцов.

Одежда тоже самая обыкновенная: косоворотка, штаны, сапоги, даже на самых ранних сохранившихся фотографиях отца – парадные сапожки. Летом бегал босиком, он до самой старости любил ходить босиком.

В церковно-приходской школе, в которую его определили по социальному статусу – официально папа вплоть до 1918 г. оставался «безземельным крестьянином» (что подтверждалось справкой пристава) папа учился средне: отличные отметки по русскому языку, истории, и, конечно, Закону Божьему, по географии – хорошо, по математике – удовлетворительно, редко хорошо.

По окончании приходской школы папу определили в младшее отделение училища живописи, ваяния и зодчества. В этом училище преподавали братья Василий и Константин Спаские. В училище папа поначалу ходил в косоворотке, пиджачке и картузе, несколько отличаясь от других учеников, пришедших туда из более культурных и зажиточных семей. Так что он не входил в компанию, которую описывает в своих воспоминаниях Зинаида Семеновна Брумберг; впрочем, она поступила в училище позже него. В младшей школе проходили общие предметы – русский язык, литературу, историю, географию, математику, добавился еще иностранный язык, который он так и не выучил как следует (отметка – удовлетворительно), а из специальных предметов – рисование в классе голов, торсов, затем натурщиков, копии античных картин, натюрморты. Выезды на природу были очень редки. Преподавалось у них черчение и изучение шрифтов, что позволило ему уже в 16–18 лет работать художником-чертежником в транспортной конторе, а затем – чертежником-архитектором в отделе строительства Рогожско-Симоновского участка Московского Управления.

В это же время началось увлечение театром, куда его водила сестра Елизавета. Это были балеты. Папа хорошо знал ведущих балерин, танцевавших в 1910–1918 гг. в Большом театре. Потом, когда он ездил во Францию, пожилые дамы из различных эмигрантских организаций были растроганы, когда он им рассказывал, в каких балетах он их видел (к сожалению, я не помню сейчас фамилий балерин, с которыми встречался отец, запомнилась только Суровцева). Вместе с В.И. Цыганковым, с которым он подружился в это время, они ходили в драматические театры, очень любили Малый театр. Папа даже пытался вместе с Цыганковым поступить в школу-студию при Малом театре, наивно было с его дикцией – он не выговаривал букву «л», – идти в актеры. В.И. Цыганков поступил, но как актер впоследствии играл недолго, стал одним из режиссеров Малого театра, приглашал нас на свои постановки. Помню, как мы с отцом ходили на спектакли «За тех, кто в море» (Б. Лавренев, 1948), «Ярмарка тщеславия» по Теккерю (1960), «Луна зашла» (Д. Стейнбек, 1964).

Отец очень любил читать. Сначала это были дешевые издания детских книжек: сказки Пушкина, стихи Некрасова, повесть Аксакова «Детские годы Багрова-внука», рассказы Лескова, «Охотничьи рассказы» Тургенева, которого отец любил за «особую поэзию слога». Затем различные приключенческие романы – Жюль Верн, Вальтер Скотт, Дюма. В 1916 г. он на первые свои заработки купил «Анну Каренину»; он любил подписывать свои книги, а иногда ставил и год покупки. В 1921 г. был куплен Аристофан, чуть позже – Софокл. Началось серьезное чтение.

В детстве он был очень живым и непоседливым ребенком. Летом семья старшего брата Михаила выезжала в деревню – село Богородское. Сохранилась на этом месте церковь рядом с метро «Сокольники». Там босоногие мальчишки целый день носились по лугам и перелескам, играли в салки, лапту, городки, ловили рыбу, там он научился ловить птиц, сам ловил щеглов, держал их дома, а потом весной выпускал на волю. Позже он пытался научить держать в неволе щеглов и меня (мне было тогда лет 5–6), но из этого ничего не получилось, мне было жалко смотреть на птиц в клетке, я плакала...

Еще одно сильное увлечение отца, которое началось с детских лет и продолжалось до старости – это увлечение спортом. Когда он поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества, то примерно с 14 лет переехал жить в семью старшей сестры Евдокии Петровны Спасской, которая на лето выезжала в село Барвиха. Там отец подружился с юношами старше него, которые занимались любительским спортом: летом – атлетика, футбол; зимой – лыжи, позже – хоккей. Клуб назывался ОЛЛС (Общество любителей лыжного спорта) и базировался в Сокольниках. Юноши держались дружно, у них был боевой клич «Олелес за Олелес!». В 1923 г. Общество было расформировано и слилось впоследствии с клубом ЦДКА (ЦСКА).

Иван Петрович занимался любительским спортом по-любительски: участвовал во всех занятиях, но больших высот не достиг: в хоккей с мячом играл во второй команде, а в футбол бросил играть довольно рано; в хоккей играл до самой войны и даже некоторое время после возвращения из эвакуации. На хоккейные соревнования мама со мной ходила болеть за отца. Вершиной спортивных достижений отца было участие в составе сборной в международном матче по баскетболу с командой «Баски» в 1926 г.

В футбол отец играл во втором составе, играл хавбека (не помню, правого или левого). Ему не хватало скоростного рывка, чтобы играть в нападении, зато обводить противника, держать мяч, финтить он умел хорошо, за что и получил в команде прозвище «веретено».

В теннис отец начал играть в 20-е годы и играл долго. Участвовал в играх на первенство Дома Кино, но там первые места занимал Николай Николаевич Озеров, отец занимал 2–3 места, с возрастом отодвигаясь всё дальше. Играл в паре с Николаем Карповичем Каракашем, тоже ВГИКовцем (преподавателем операторского мастерства) за клуб «Буревестник», даже брали 1–2 места на соревнованиях в Ленинграде (Каракаш играл очень хорошо, так что это заслуга Николая Карповича). В начале 1954 г. отец выступал за общество «Наука», на тренировке сильно повредил ногу, восстановиться не смог, и ему пришлось уйти из тенниса. Он перекочевал в стан болельщиков: ходил на все матчи ЦСКА по футболу и хоккею, на интересные встречи по теннису. В день его 70-летия руководство клуба ЦСКА вручило ему свидетельство «Ветеран спорта ЦСКА».

Занятия спортом с ранней юности дали отцу хорошую закалку и помогли ему вынести те нагрузки по работе, которые он на себя взваливал, любя и увлекаясь выбранной профессией.

«Удивительная магия искусства захватила и покорила моё сердце»

Серьезный путь к приобретению профессии начался в 1918 г., когда Иван Петрович перешел на старшие курсы бывшего Училища живописи, ваяния и зодчества, преобразованного к этому времени в Свободные государственные мастерские, которые подразделялись на два отделения: первое – мастерские живописи и скульптуры, второе – мастерские архитектуры, полиграфии. К этому времени отцу уже работал чертежником, а затем – чертежником-архитектором в Отделе строительства Транспортного управления Москвы. Но мечтал он работать в книжной графике и журнальной иллюстрации. Отец считал, что ему крайне повезло: во II отделении занятия вел В.А. Фаворский. Учеба в классе Фаворского оставила глубокий след в творчестве отца, привила ему любовь к четкости и выразительности рисунка, графики, гравюры, тщательной проработке деталей. Папа всегда с особым благоговением вспоминал этого великого мастера, впоследствии всегда ходил на выставки с участием его работ. Большое влияние на отца оказал Александр Дмитриевич Корин, друг И.И. Машкова, прекрасный рисовальщик и живописец, впоследствии художник-реставратор (работал реставратором в ГМИИ им. Пушкина, восстанавливал картины Дрезденской галереи и многие, многие другие ценные произведения). Его приглашали делать копии картин многие музеи и галереи, иногда он брал с собой учеников, учил их мастерству рисунка, технике рисунка, знакомил с манерой творчества разных художников.

С большим теплом и уважением отец вспоминал и другого брата, большого мастера живописи П.Д. Корина. Очевидно, у них сложились какие-то более близкие отношения. Потом, в довольно трудные для этого художника 30-е годы, отец навещал Павла Дмитриевич и даже два раза брал меня с собой. Художник тогда был нездоров, я помню двух обрадованных папиным приходом женщин, папа что-то им передал, потом ушел к больному, а я осталась ждать в комнате с картинами.

Став преподавателем, Иван Петрович учил своих студентов, что границы реалистичного рисунка очень широки, объединяя, с одной стороны, творения Микеланджело, Леонардо да Винчи, Репина, Серова, а с другой – работы Домье, Гойи, Калло... Все эти художники по-своему пользовались различными формами преувеличения, заострения образа, т. к. эти приемы дают возможность еще полнее выявить сущность типического явления.

Примерно с 1918 г. Иван Петрович начал собирать свою библиотеку по специальности. Сюда входили книги-альбомы, такие как «Валлотон» (1918), «Рисунки Тулуз-Лотрека» (1924), «Рисунки Леонардо да Винчи» (1922), «Уголки Москвы в гравюрах на дереве Ивана Павлова» (1922), дешевые издания по теории искусства: «Происхождение драмы» Н. Евреинова (1921), «Драма и трагедия во Франции» Л. Левро (1919), «Златокузнецы Дагестана» Н. Бакланова (1926), «Народное искусство севера России» С. Соколова и И. Томского (1924), «Техника серебряного производства» (1929). Я перечислила только эти названия, т. к. приобретение этих книг датировано отцом – иногда при покупке книг он ставил число. Они показывают основные интересы Вано того времени: рисунок, гротеск, народное творчество.

К увлечениям Вано можно отнести и сатиру, он рисовал карикатуры на своих товарищей, они рисовали карикатуры на него – это стиль того времени и духа, который существовал во Вхутемасе. К сожалению, библиотека и рисунки молодости почти не сохранились, их в 1942 г. сжег в буржуйке старший брат моей мамы дядя Сережа, остававшийся во время войны в Москве. Тогда дрова достать было трудно, жгли, что попадалось.

В 1920 г. мастерские были преобразованы во Вхутемас, но сохранили структуру двух отделений. С 1922 г. ответственным за учебный процесс в обоих отделениях был назначен И.И. Машков, который и курировал учебу отца. Учеба шла с перерывами, в 1918 г. отца мобилизовали в армию, но так как он уже учился в II Государственных мастерских, то был направлен в роту резервного полка, потом служил посыльным при военкомате и развозил почту, гоня на легкой мотоциклетке, прыгая по московским бульжникам – это навсегда отбило у него охоту к езде на таком виде транспорта. Затем он вернулся к учебе, но в 1919 г. его опять мобилизовали, и он попал уже в школу маскировки, где проучился около года, там давали обмундирование и паек, что было немаловажно в те годы. Из школы маскировки он вернулся во Вхутемас. Несмотря на занятость, он продолжал учиться, сохранилось распоряжение, подписанное И.И. Машковым, где отмечалось, что занятия во Вхутемасе начинаются с 9 утра и продолжаются до 9 вечера и надо указать время посещения занятий.

В 20-е годы во время учебы Иван Петрович делает любую работу – оформляет витрины, рисует плакаты, анонсы кинофильмов, оформляет клубные спектакли, рисует театральные костюмы, эскизы наградных грамот, обложки граммофонных пластинок. Вместе со своим однокурсником (фамилию не помню) даже работал подмастерьем-маляром в знаменитом кабачке «Бродячая собака», хозяин этого заведения кормил их обедом. Работает много, т. к. надо содержать себя и помогать семье старшей сестры, где уже родилась дочка, а времена трудные, голодные. Удастся работать и по специальности, он оформляет обложки спортивных журналов, дешевые издания Блока в мягком переплете, помню только одно название – «Балаганчик», книги Пильняка. Семья переезжает на Таганку и собирается в одной квартире. Отец работает художником-оформителем при управлении Рогожско-Симоновского района. Оформление окон политпросвета и пролеткульта служат основой его дипломной работы.

1920-е годы – это годы стремительного культурного, художественного самовоспитания Ивана Петровича. Он ведь не кончал гимназии, как сестры В.С. и З.С. Брумберг, В.Г. Сутеев, Д. Черкес и многие другие его коллеги, но, придя в мультипликацию, он оказался ровней этим творческим людям. Он очень много работает, много читает, посещает выставки художников различных направлений, ходит по музеям, театрам, творческим вечерам. Меняется и его внешний облик: это уже не деревенский парнишка из низов городской среды, а прилично одетый молодой человек, который иногда и пофрантить может. В этот период завязывается его знакомство с интересными людьми и художниками различных направлений: с меценатом и крупным коллекционером картин И.А. Морозовым, у которого отец имел возможность ознакомиться с собранием гравюр и рисунков (живописные картины очень быстро конфисковали, а про гравюры тогда не вспомнили), отец даже делал копии с некоторых вещей, которые ему нравились, но, к сожалению, они погибли во время войны; с Таировым, театром которого он очень интересовался, близкого знакомства не было, но отец был одним из немногих, кто позвонил, а потом даже зашел после разгрома Камерного театра. Конечно, отец смотрел все постановки Мейерхольда, тогда все увлекались его приемами режиссуры, но отец остался верен своей юношеской любви к Малому театру, к Островскому и старой классике. В 20-е годы выявляются его привязанности к творчеству отдельных художников. Надо отметить, что вкусы Ивана Петровича очень разнообразны, они изменялись со временем, но всегда оставалась любовь к театральным художникам – Головину, Судейкину, Коровину, другим художникам «серебряного века» – Сомову, Мусатову. В то же время, он любил Поленовых (брата и сестру), Кустодиева, Филонова, Петрова-Водкина, Рындина, Чюрлениса, Васнецовых; восхищался классиками, особенно любил рисунки Шишкина, Репина, Серова. Из иностранных художников любил старых голландцев, итальянцев, импрессионистов. Да невозможно сказать, что он не любил, он интересовался всем: театр, архитектура, народное творчество, карикатура. Завязывает знакомства с художниками очень разными: Дени, Д. С. Мор, Б. Ефимов и в то же время К.Д. Юон, П. Кузнецов, А. Лентулов, Ю. И. Пименов.

Примерно в те же годы во Вхутемасе учились и другие первопроходцы мультипликации: I отделение по специальности «художник-живописец» окончили Н.Н. Ходатаев (1916), Ю.А. Меркулов (1923), Д.Я. Черкес (1923), несколько позднее – сестры В.С. и З.С. Брумберг (1925). II отделение («прикладное») кончали О.Н. Ходатаева (1918), З.П. Комиссаренко (1919), а в 1923 г. – И.П. Иванов.

После окончания Вхутемаса Иван Петрович некоторое время работает художником-декоратором в театре им. Пряникова, а затем в различных мелких книжных изданиях по оформлению разных брошюр, благодаря связям со спортом участвует в оформлении спортивных журналов, таких как «Футбол» и другие.

В 1924 г. В.Г. Сутеев приводит отца в Государственный техникум кинематографии, где находилась экспериментальная мультипликационная мастерская, и где он сделал свою первую мультипликационную работу – двигающегося мальчишку. «Это было похоже на чудо, – писал отец впоследствии в своей книге «Кадр за кадром». – Трудно передать охватившее меня чувство. Тут и радость от сознания, что собственными руками создал почти живое существо, тут и странное чувство отчуждения – существо зажило на экране уже своей, независимой жизнью. Каждый мультипликатор пережил подобное чувство, увидев свою первую пробу на экране. Удивительная магия искусства захватила и покорила моё сердце».

С мультипликацией связана не только творческая жизнь Ивана Петровича, но и крепкие товарищеские отношения, перешедшие затем в настоящую дружбу до конца жизни. Такие отношения связывали отца с Л. Амальриком, В. и З. Брумберг, В. Сутеевым, несколько позднее с Л.К. Атамановым, композитором Ю.С. Никольским, оператором Н. Воиновым. Теплые отношения сохранились с Д.Я. Черкесом (мы всей семьей ходили на выставки с его участием и на персональную выставку), с Н. Валерьяновым, К. Тюльпановым. Большое значение для профес-

сионального развития Ивана Петровича имели совместные работы с такими мастерами режиссуры как Л.В. Кулешов, его женой А.С. Хохловой, с режиссером и оператором Ю.С. Желябужским, который в 1927 г. делал кукольный фильм «Приключения Болвашки». Л.В. Кулешов был специально приглашен дирекцией цеха мультипликации «Межрабпомфильма» для лучшего знакомства художников-мультипликаторов со «спецификой кинематографа». Отец всегда с благодарностью вспоминал свою учебу у Льва Владимировича, т. к., изучая опыт режиссерской работы у этого мастера (он посещал его ма стерскую, ездил советоваться домой), отец многому научился. Л.В. Кулешов в 1930 г. пригласил Ивана Петровича делать мультипликацию к фильму «Сорок сердец» и остался доволен его работой. В книге «50 лет в кино» (Л. Кулешов, А. Хохлова, 1975) авторство вставленного мультипликационного эпизода в фильме «Великий утешитель» ошибочно приписывается И. П. Вано, на самом деле автором его был В. В. Лазурский, который недолгое время работал мультипликатором в «Межрабпомфильме». В. В. Лазурский, вспоминая свое первое впечатление, писал, что... надо было показаться художественному руководителю цеха Вано и директору Жанто, эти рифмующиеся имена были артистическими псевдонимами. Иван Петрович Вано (Иванов), худой и высокий, с выпяченной вперед нижней губой и легкой иронической усмешкой на лице... Эта выпяченная губа долго использовалась в многочисленных шаржах на моего отца.

В конце 20-х годов он сближается с очень интересными людьми и великолепными специалистами, операторами Л.В. Косматовым и М. Магидсоном, у которых тоже набирается практического и теоретического опыта. В это же время отец сходится с А.Л. Птушко, их отношения оставались очень дружественными до самой смерти Александра Лукича.

«Я – как Танечка»

В 1926 г. происходит важное событие, оказавшее огромное влияние на жизнь молодого Вано. Он знакомится с Танечкой Беккер, моей будущей мамой.

В день смерти мамы папа был потрясен и около двух суток, не останавливаясь, рассказывал, как он познакомился с мамой (естественно, этот рассказ я уже слышала), как они поженились, что он любил в маме. Он рассказывал мне их жизнь, которая проходила у меня на глазах, но оказалось, что многого я не знала, не обращала внимания, всё казалось мне само собой разумеющимся, а для молодого Вано тогда казалось чудом.

Познакомил их Градополов (старший) – знаменитый боксер, чемпион. Он ухаживал тогда за маминой ближайшей подругой, которая терпеть не могла бокс и, чтобы не скучать, пригласила маму с собой. После соревнований Градополов, узнав, что девушек двое, пригласил с собой случайно повернувшегося Вано (отец немного занимался и боксом, эти исторические перчатки долго еще висели в нашей комнате в Лопухинском переулке. Я, грешная, выбросила их в 1966 г., когда мы переехали в отдельную кооперативную квартиру на ул. Удальцова). Как рассказывал папа, Таня поразила его в первый же день встречи. «Ты понимаешь, она не была похожа ни на одну женщину, которую я знал. Спокойная, не болтливая, красивая – и никакого кокетства и жеманства. Одеты хорошо и скромно, никаких украшений. В движениях какая-то величавость и достоинство. И в то же время, очень приветливая, улыбчивая. Я проводил ее домой, а потом шел и вспоминал, какая она». В этот вечер папа подарил маме букетик душистого горошка и, сколько я себя помню, 26 июля папа приносил домой скромный букетик этих цветов. Когда, будучи уже в преклонном возрасте, он не мог этого сделать, он звонил мне, и я была обязана достать где угодно заветный букетик и передать его отцу.

Поженились они только через два с лишним года. Бабушка с маминой стороны никак не давала согласия на брак своей дочери с Вано. Наконец, согласилась, но с условием, что мой отец обязуется обеспечить достойную жизнь своей семье. На мой взгляд, отец свое слово сдержал.

Венчались они в надворной церкви Зачатьевского монастыря. Конечно, портниха не сшила вовремя платья, и его прикалывали на маме «по живому», а папа в чужом черном костюме маялся у церкви и боялся, что свадьба так и не состоится. Где брали кольца, я не знаю, никаких колец у отца и матери я отродясь не видела. «Ты не представляешь, какая это была семья, и я, простой парнишка, что я знал и понимал тогда? Но никогда Таня мне не показала, что я сделал что-нибудь не так. Никогда. А Борис Валентинович? Как много он помог мне в жизни!»

Борис Валентинович – это мой дед со стороны матери. Происходил мой дед из немцев Поволжья. Окончил в Петербурге Институт путей сообщения. Работал инженером-строителем по ремонту на Николаевской железной дороге, в техническом отделе Казанской железной дороги, затем на Турксибе начальником строительства на участке Чита – Нерчинск, делал расчеты насыпи вдоль Байкала, потом инженером и начальником участка на строительстве КВЖД, затем опять работал на Николаевской железной дороге, потом на строительстве второго пути на дороге Вологда-Архангельск. Уже в советское время работал начальником строительства топливных железных дорог, участвовал в реконструкции железной дороги на Верный (Алма-Ата) и на Кавказе. Много видел, многих людей знал. В семье были книги о природе разных мест, книги по архитектуре и искусству Японии и Китая, Севера России. И всем богатством своих знаний дед делился с отцом.

Мой дед с отцом вели длинные разговоры об истории России, истории философии. Дед покупал и дарил папе книги по иконописи, архитектуре, истории архитектуры, истории отдельных городов, книги Соловьева-историка и Соловьева-философа и многое-многое другое, подталкивая уже появившийся у моего отца интерес к самообразованию. Со своей стороны, Иван Петрович подарил книгу по мультипликации со своей статьей моему деду с трогательной надписью.

Среди друзей и знакомых семьи Беккеров, куда вошел мой отец, были академики, профессора различных вузов, инженеры, учителя, служащие, бывший курьер с дедушкиной работы, всех кормили, всех привечали. В доме никогда ничего не припрятывали, лучшее – гостям.

В молодости Борис Валентинович был активным общественником, принимал участие в организации общеобразовательных школ и курсов для рабочих, бесплатных столовых для железнодорожных рабочих и их семей, был членом Московского общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий, куда входили такие известные личности как: писатели А.П. Чехов, В.В. Гиляровский, Н.К. Михайловский; театральные деятели О.Л. Книппер, В.Э. Мейерхольд; инженеры Г.Б. Красин, М.Т. Елизаров. Почетным председателем общества был князь С.И. Шаховской. Дед недолго оставался членом этого общества, поскольку он был в комиссии, которая занималась проверкой финансовой деятельности общества, и понял, что большая часть средств уходит на бюрократические действия – наем помещения, переписка и т. д., – и очень малая толика средств идет на практическую помощь. Об этом своем выводе он написал руководителям общества и сообщил о своем выходе из него. Но всю жизнь помогал, где мог, трудоустройству несправедливо уволенных людей, беря их к себе на работу, помогал семьям своих служащих. Так появились у нашей семьи Беккеров-Ивановых друзья-полуродственники: дружили наши деды, дружили наши отцы-матери, дружим и мы, внуки. К сожалению, таких полуродственников сейчас у меня остались всего две семьи – Андреевы и Васильевы. Пишу об этом, т. к. первым учителем художника-мультипликатора Наталии Ивановны Бодюл был художник Алексей Александрович Васильев, мой «полудядя» (мы об этом узнали, когда Наташа уже поступила во ВГИК).

Пожалуй, последним благотворительным делом Бориса Валентиновича была прописка правнучек А.С. Пушкина Т.Е. и М.Е. Клименко в Москве, в нашей квартире, на площади Сергея Васильевича и Натальи Васильевны Тютчевых. Брат и сестра Тютчевы – замечательные,

удивительные по доброте и благородству люди, но это люди, которые оказали огромное влияние на меня, к отцу их история не имеет отношения. Ну, а мой дедушка просто написал письмо В.Д. Бонч-Бруевичу, который тогда был управляющим делами Кремля, и получил ответ, что правнучки А.С. Пушкина, конечно, получают разрешение на прописку. А всё дело в том, что когда-то они вместе с В.Д. Бонч-Бруевичем преподавали в воскресной школе при Казанской железной дороге, и впоследствии Борис Валентинович Беккер помог устроиться на работу безработному Владимиру Дмитриевичу, что оправдывает народную поговорку «Добро оплачивается добром».

Мой отец тоже старался помогать своим близким и друзьям. Всю жизнь, сколько я помню, он давал деньги своей сестре, моей тете Дине, которая регулярно появлялась у нас в гостях два раза в месяц, оплачивалось и помещение в Барвихе, куда тетя Дина переезжала на лето, а позже помогал ее дочери Тане. Помощь прекратилась в 1973 году, когда понадобились деньги на лечение отца. Помогал отец и дяде Коле, помимо помощи в течение года, оплачивал его лечение в санаториях (у дяди Коли был туберкулез). Разово помогал различным людям, даже незнакомым. Помню, как во время войны кто-то из студентов художественного факультета (кажется, Женя Ганкин) привел уже поздно вечером к нам домой двух студентов, то ли режиссеров, то ли сценаристов. Это было вскоре после взятия нашими войсками Киева. Там остались родители этих студентов. Конечно, наша семья дала деньги, сколько они просили. Это был не единичный случай, это была норма того времени. Я знаю, что так же поступал и Ф.С. Богородский. Я запомнила этот случай, так как по юности своей приняла очень близко к сердцу судьбу этих людей, просила отца узнать и нарвалась на ответ: «Ты что, с ума сошла? Еще подумает, что я напоминаю о деньгах, а ты подумала, откуда он их возьмет?» Все-таки я потом узнала – у одного из молодых людей родители точно были расстреляны в Бабьем Яру, у другого – судьба неизвестна. Мне стало очень горько, несмотря ни на что, они ведь ехали в Киев с надеждой, а мне было 11 лет и хотелось, чтобы всем было хорошо.

Борис Валентинович был обаятельным, общительным человеком, так считали соседи по нашей коммунальной квартире. Я сама мало помню своего деда, он умер, когда мне было 4 года. Помню отдельные эпизоды: как он качает меня на здоровой ноге, держа за руки; как он медленно идет по коридору на кухню, а я бегу и открываю ему двери, как он сидит в кресле, а я у него на коленях, и дедушка читает мне сказки братьев Grimm. С последними месяцами жизни деда связаны трагические моменты нашей семьи. У нас – мамы, папы, меня и Пани (моей няни и очень-очень дальней родственницы отца) – была своя комната в самом конце квартиры, а дед и бабушка жили в комнатах рядом с входной дверью. Однажды поздно вечером, а может быть, и ночью, появляется в дверях соседка тетя Натуля Тютчева и шепчет: «Таня, вставай скорее, за Борисом Валентиновичем приехали». Мама встает, одевается, папа тоже встает, но мама ему говорит: «Ложись, может быть, и обойдется». Дело в том, что дед уже лежал парализованный. За Паней опять приходит тетя Натуля и уводит в свою комнату. Остаемся я и папа, горит настольная лампа. В комнату входит «дядя Герой» Тютчев, мой крестный, и говорит: «Ваня, черный ход свободный, там никого нет, можно уйти дворами, я Вас провожу. За Галю не беспокойтесь, мы ее возьмем себе». Отец не был у нас прописан, он мог уйти и остаться свободным. Но он просто сказал: «Я – как Танечка. Я никуда не пойду». Всю силу этой фразы я поняла через много-много лет, а вот спокойную, уверенную интонацию запомнила сразу же.

Случилось чудо: маму отпустили, папу не забрали. Я проникновенно уважаю своего отца и многое ему прощаю за это короткое «Я – как Танечка». Обыск ничего не дал, так как документы деда хранились в прихожей в шкафчике, а мужественная тетя Натуля сказала, что в прихожей стоят вещи ее семьи. Так, в общем, и было, там стоял большой шкаф и сундук семьи Тютчевых. Потом, когда машина с сотрудниками органов внутренних дел уехала, мама и Пани жгли дедовы документы в дымоходе на кухне до утра. Остальные напуганные соседи не выхо-

дили из своих комнат. Чекисты забрали с собой дядю Сережу, маминого старшего брата, который приезжал помочь мыть деда и остался ночевать. В эту же ночь случилось второе чудо – посреди Манежной площади «старшой» остановил машину и, обращаясь к дяде Сереже, сказал: «Вылезай, чтобы я тебя больше не видел». Дядя Сережа отправился на Казанский вокзал и тут же уехал в Горький, где находился филиал его работы.

Я много думала о том, с чем связан этот визит к моему деду, и только недавно из телевизионной передачи «Русские в Харбине» поняла – это был 1936 год, когда многие русские, работавшие и жившие в Харбине и в разные годы вернувшиеся в Россию, были арестованы. Дед работал на прокладке железной дороги как раз на участке Харбин – Порт-Артур в 1900–1904 гг. и затем возвращался туда еще раз в 1907 или 1908 г.

Этот волнующий, неприятный визит повлиял на мою маму, с тех пор у нас в семье все письма, рукописи не хранились, мама всё уничтожала.

Сегодня, вспоминая мамины сдержанные рассказы о прошлом, понимаю, что к своим 24 годам мама прожила достаточно сложную жизнь. Семья скиталась по России вслед за сменой места работы деда. Потом, наконец, довольно обеспеченная жизнь в Вологде, где дед занимал должность зам. начальника, потом, очень короткое время, начальника строительства второй колеи на железной дороге Вологда – Архангельск. Арест деда в 1917 г., обыск в квартире, полная неизвестность судьбы Бориса Валентиновича. Семье пришлось оставить квартиру и «раствориться» в городе, но бабушке удалось связаться с Марком Тимофеевичем Елизаровым, с которым дед дружил еще со студенческих времен и много работал вместе, а Марк Тимофеевич был мужем Анны Ильиничны Ульяновой. В общем, к деду не успели принять никаких репрессий, по телеграмме, подписанной В.И. Лениным, деда как арестанта отправили в Москву, а тут уже его освободили. И за вещами обратно в Вологду отправилась младшая 16-летняя Таня. И этой молоденькой девушке удалось вернуть часть вещей. Конечно, ей помогали знакомые и сотрудники деда. Но думаю, что здесь проявился и мужественный характер мамы. Потом, в 1918 году, во время сильного голода, дед переправил своих женщин в более хлебный Воронеж, где жила семья его брата. Бабушка, как всегда, не работала, мамина старшая сестра Лидия Борисовна болела, и Таня начала работать машинисткой в каком-то управлении, получала жалование и паек. Жизнь была трудной, война, белые, красные... Семья с каким-то обозом двинулась дальше на юг, бабушка и мама пешком, Лида на телеге. Потом Лиду оставили по дороге у знакомых в каком-то селе под Ростовым, а сами отправились в Краснодар, к родственникам бабушки, поезда тогда еще ходили.

Мамины рассказы об этом продвижении мне очень напоминали эпизоды из романа М. Булгакова «Бег» и сцены из кинофильма А. Алова и В. Наумова: медленно бредут люди, ночевки в степи у костра, утренние туманы. Но мама, посмотрев картину позже по телевизору, сказала, что ничего общего нет. У них не было никакой растерянности, у них было желание выжить и вернуться в Москву и жить в России. Они были уверены, что дед их найдет.

Опять война, мама опять работала машинисткой, чем могли, помогали бабушкины родственники, жившие в Краснодаре. Приехал дед, выправил маме и бабушке билеты, и они вернулись в Москву. Мама поступила в гимназию и кончала ее уже в Москве. Потом поступила в Институт народного хозяйства им. Плеханова, на какой факультет – не знаю, диплом защищала по гальванике, уже будучи замужем за Иваном Петровичем, но диплом ей не дали, т. к. на отказалась ехать по распределению в Златоуст. Вот на такой милой, улыбчивой женщине женился мой отец.

В день смерти мамы он говорил мне: «Она никогда ничего у меня не просила, никогда не стонала, что не хватает денег, никогда не сравнивала нашу жизнь с жизнью более зажиточной семьи. Мама всё понимала с полуслова, выслушивала меня, сочувствовала и помогала во всем».

Он привык ей рассказывать о своих делах на студии, о своих планах, мечтах. Он каялся ей, когда был груб со своими друзьями, несдержан со своими сотрудниками. Сам он по своему характеру не мог пересилить себя и извиниться, это делала за него мама, она звонила людям, которых он, по ее мнению, обидел своей резкостью, просила простить папу, находя ему оправдание. И в большинстве случаев инцидент бывал исчерпан. Да и сам отец обладал каким-то обаянием, ему многое прощалось. Он так любил свое искусство, искал, находил, терял, и так искренне радовался удачам и так горько огорчался, когда не ладилось. Ну как же его не любить и не прощать за эту искренность и преданность!

Главой нашей семьи был, конечно, папа. Он зарабатывал деньги: помимо основной работы на студии «Союзмультфильм», которая была небольшой, так как студия относилась ко 2 категории (а не к 1 и не к высшей, как «Мосфильм»), папа работал на «Диафильме», рисовал многие диафильмы: сказки Андерсена «Соловей», «Огниво», басни Крылова «Квартет», сказку «Как сорока хвосты выбирала». Я сейчас не помню, у меня было штук 20 папиных диафильмов, но когда мы жили в Алма-Ате, там была мода на «кадрики», и у меня все фильмы растащили и порезали на кадры.

Мама организовывала быт семьи. На мой взгляд, она была просто финансовым гением. По семейному уговору папа отдавал в семью часть заработанных денег, а другую часть оставлял себе. За всё свое детство и юность я ни разу не слышала в семье разговоров о нехватке денег, о том, что мы плохо живем.

Все крупные покупки обсуждались всей семьей (одежда, обувь, подарки к дням рождения родным и друзьям), если не хватало «на дело», отец добавлял из «своих личных». Довольно рано ответственной за покупку подарков стала я и очень гордилась этим (лет мне было 12–13). Питались, на мой взгляд, хорошо, колбаса любительская – по воскресеньям, в будни – яйца, творог, котлеты, иногда сыр, а так – бутерброды с маслом. Но кругом жили еще скромнее. Билет на дневной спектакль в театр покупался мне одной, зато давали деньги «на буфет» (стакан сладкого чая с лимоном и пирожок или плюшка).

Мама научилась шить и перешивала старое на новое, но отец ходил только в костюмах, сшитых у портного.

Когда мы вернулись из эвакуации в августе 1943 г., все наши вещи заняли 2 чемодана, зато везли продукты для себя, родным и друзьям.

Был совсем комичный случай. Зимой 1943 – 44 г. был какой-то торжественный кинематографический вечер, очень важный вечер, чуть ли не в Кремле. Маму одевали не то что всей нашей коммунальной квартирой – всем домом. Платье дала Люцина Казимировна – соседка по квартире, туфли – не помню, кто, теплые башмаки – соседи со 2 этажа (у мамы были только валенки), шляпку – соседка с 3 этажа, а черно-бурую лису (тогда это было очень модно) – Анна Степановна, жена актера Малого театра П.П. Старковского. Это не анекдот, это реальная нормальная история нашей семьи. Зато у нас «всегда кормили», как сказал в своем тосте в честь моей мамы Анатолий Пантелеймонович Сазонов. Во время войны, будучи студентами, они частенько приходили к нам домой «показать работы отцу». Да, у нас «всегда кормили». Это семейное хлебосольство, как рассказывал мне отец в трагические дни смерти моей мамы, очень ему нравилось. Нравались чисто русские традиции, которые держались многие годы. Праздновали все праздники – Новый год, Рождество Христово, Пасху, Троицу, дни рождения и именины всех членов семьи и очень торжественный день – день свадьбы мамы и папы. Пекли «клетчатые» пироги с яблоками, обязательно куличи (пока могли – ездили печь в русскую печь, чтобы были высокие куличи – моя бабушка, родом из морской семьи Юрковских из Николаева, привыкла к высоким куличам, на Южной Украине так принято). На Герасима-грачевника пекли «Жаворонков» с глазами-изюминками. На Троицу обязательно ставили молодые березки и делали зеленый салат.

Конечно, отцовское самолюбие было утешено тем, что мама нравилась его друзьям. Она легко и просто подружилась с сестрами Брумберг, с Леней Амальриком и его женой Надей Приваловой, с братьями Сутеевыми, особенно с Володией Сутеевым. Мама рано начала сесть, и Федор Семенович Богородский прозвал маму «маркизой». Это прозвище прижилось во ВГИКе, потом ее так называли С.М. Каманин, Н.Г. Юров, М.А. Богданов, Г.А. Мясников. Маму полюбили А.С. Хохлова и Л.В. Кулешов, которые заходили к нам в гости до войны и в начале 40-х годов, когда мы все вернулись из эвакуации. Любил у нас бывать, особенно в последние годы своей жизни, и Ю.С. Желябужский с женой. Мама умела окружить гостей заботой и неназойливым вниманием, умела за столом вовремя замолчать и уйти в тень, когда разговор принимал профессиональный характер или чем-то раздражал ее. В то же время, она обладала особым дипломатическим даром и во время обострения разговора старалась, и обычно успешно, направить разговор в другое русло, ненароком перевести беседу на безопасную тему. Отец очень ценил эту способность мамы, поскольку сам во время разговора был очень эмоционален, раздражителен и просто резок.

Татьяна Борисовна знала иностранные языки: французский – довольно хорошо, могла говорить, хотя и на «слишком классическом французском языке», как определил Ланглуа, основатель французской фильмотеки. Немецкий язык знала хуже, но могла переводить со словарем. С английского языка переводил кто-нибудь из маминого окружения. Это помогало папе знать зарубежные новости в мире мультипликационного кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.